
Нѣсколько словъ по поводу замѣтки „Когда это
кончится? Блаженнѣйшаго Митрополита
Антонія.

(Церковная Жизнь. 1933. № 12).

Съ болѣзненнымъ чувствомъ берусь я за перо, чтобы отвѣтить на вышеназванную замѣтку Владыки митрополита Антонія. Владыка Антоній — мой ректоръ, и, кромѣ того, ему я обязанъ началомъ моего обращенія къ правильной церковной жизни — онъ именно поставилъ меня на путь Служенія Православной Церкви. Поэтому мнѣ и больно выступать съ возраженіями ему, чего я до сихъ поръ никогда печатно не дѣлалъ, но съ другой стороны, я не могу оставить безъ отвѣта его несправедливыя нападки на мою молодую паству — Русское Студенческое Христіанское Движеніе. Пишу съ нѣкоторымъ опозданіемъ, потому что только на-дняхъ мнѣ пришлось познакомиться со статьею Владыки Антонія. Было время, когда митрополитъ Антоній былъ другомъ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія. Въ 25-мъ году онъ былъ почетнымъ Предсѣдателемъ на Хоповскомъ Съѣздѣ Движенія. Онъ составилъ молитву о Движеніи, которая и донинѣ читается въ Движеніи: „Владыка, Господи, Боже нашъ, на земли Церковь Твою основавый, и въ ней спасеніе людямъ Твоимъ общавый...“ Въ этой молитвѣ Владыка проситъ Бога „благословить Союза нашего процвѣтеніе“, сохранить его отъ всякихъ козней дьявольскихъ, и укрѣпить

его для служенія православной Церкви.

Русское Студенческое Христіанское движеніе со времени Хоповскаго Съѣзда и до нынѣ остается однимъ и тѣмъ же. Первый параграфъ его устава говоритъ, что оно имѣетъ цѣлью „объединеніе вѣрующей молодежи для служенія православной Церкви, для привлеченія къ вѣрѣ невѣрующихъ, для взаимной помощи въ выработкѣ Христіанскаго міровоззрѣнія, для защиты Вѣры и Церкви, для борьбы съ современнымъ атеизмомъ и матеріализмомъ.“

Движеніе посвящено имени Божіей Матери. Съ 28-го года оно имѣетъ свой постоянный храмъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и своего постоянного священника.

Если бы Владыка-Митрополитъ присутствовалъ на Съѣздахъ Движенія въ Печерскомъ Монастырѣ въ 29-мъ году, и на Съѣздахъ въ Пюхтицскомъ монастырѣ въ 30-мъ и 32-мъ годахъ, въ Эстоніи, онъ увидѣлъ бы, какъ живо и сильно въ Движенской молодежи Православно-церковное чувство. Это настроеніе молодежи нельзя описать. Его надо видѣть. Говорить о тождествѣ Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія съ Имкой можно только по недоразумѣнію, или со злымъ умысломъ. Имка, съ которою

Движеніе находится въ дружескихъ отношеніяхъ, по своему корню есть организація протестанская, по своей дѣятельности — интерконфессіональная, тогда какъ Русское Христіанское Студенческое Движеніе является всецѣло православной организаціей — и по своей идеологіи, и по своей практикѣ, и по подавляющему большинству своего состава. Поэтому упрекать Движеніе въ протестантизмъ въ высшей степени несправедливо. И особенно несправедливо по такому поводу, какъ вопросъ о смертной казни. Кому же неизвѣстно, что смертная казнь за уголовныя преступленія существуетъ именно въ странахъ протестантскихъ и католическихъ, и особенно во Франціи, и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ православной же Россіи смертная казнь за уголовныя преступленія отмѣнена была еще въ половинѣ 18-го вѣка указомъ Императрицы Елизаветы Петровны, изъ чего совершенно ясно, что противниками смертной казни являются не протестанты и не католики, а именно православные.

Защищая смертную казнь, Владыка-Митрополитъ, да проститъ онъ мнѣ это слово, стоитъ именно на протестантской и католической, а не на православной точкѣ зрѣнія.

Существованіе смертной казни во Франціи и въ Америкѣ, несомнѣнно, вноситъ въ атмосферу общественнаго сознанія какія-то нравственно-ядовитыя міазмы, однихъ приучаетъ къ нездоровому зрѣлищу, другимъ внушаетъ взглядъ на смертную казнь, какъ на актъ мести преступнику, или

какъ на способъ его радикальнаго изытія изъ общества, какъ на средство самозащиты. Такая социальная точка зрѣнія на смертную казнь, конечно, съ высшей степени отвратительна. Это отмѣчалъ когда-то еще Ѳ. М. Достоевскій.

Ея не чужда и та статья въ „Вѣстникѣ“, которая дала поводъ Владыкѣ Антонію выступить со своею замѣткой. Я — не защитникъ этой статьи, и не раздѣляю точки зрѣнія автора. Но нельзя и опровергать взглядъ автора такъ, какъ это дѣлаетъ Владыка. Приведенное имъ правило Св. Аѳанасія Великаго никакого отношенія къ смертной казни не имѣетъ. Оно говоритъ объ убійствѣ на войнѣ.

Нельзя ссылаться и на повелѣніе Господа Израилю „поголовно истребить всѣхъ враговъ его“. Здѣсь также рѣчь идетъ не о смертной казни. Правильнѣе было бы сослаться на прямое установленіе въ Великомъ Завѣтѣ смертной казни за тѣ или иныя преступленія. Съ этой именно точки зрѣнія и долженъ былъ бы отстаивать смертную казнь протестантскій міръ, имѣющей особенную привязанность къ буквѣ Писанія. Православная точка зрѣнія, выразившаяся въ указѣ Императрицы Елизаветы Петровны объ отмѣнѣ смертной казни, вполне справедливо поставляетъ Христову Заповѣдь о прощеніи и милосердіи выше ветхозавѣтнаго правила: „око за око, и зубъ за зубъ“. И этотъ указъ Императрицы имѣетъ, несомнѣнно, нравственно-оздоровляющее и христіански-воспитывающее значеніе для русской совѣсти.

Чтобы высказаться до конца по вопросу о смертной казни, я долженъ все-таки открыто сознаться, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ я признаю справедливой и необходимой смертную казнь, конечно, не по тѣмъ пошлымъ соображеніямъ соціальной безопасности, о которыхъ упоминаетъ авторъ статьи въ „Вѣстникъ“ противъ смертной казни. Смертная казнь — это несомнѣнный ужасъ, какъ для казнимаго, такъ и для казнящихъ. Но этотъ ужасъ въ иные моменты бываетъ спасительнымъ. Изъ смертной казни нельзя дѣлать заурядное явленіе, орудіе общественной безопасности. Это отвратительно и гнусно. Къ сожалѣнію, это именно и дѣлается на западѣ. Но смертная казнь можетъ имѣть и религіозное значеніе, искупительный смыслъ, смыслъ какой-то Божіей правды, смыслъ удовлетворенія человѣческой совѣсти. Такъ именно она и бываетъ принимаема иногда и самимъ преступникомъ, и общественнымъ сознаниемъ.

Въ такихъ случаяхъ она является актомъ Божей правды, актомъ духовнаго потрясенія, и

для преступника, и для общества. Преступникъ принимаетъ въ этомъ случаѣ смертную казнь, какъ искупительную жертву за свои преступленія, смиренно и покаянно; общество жалѣетъ преступника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смиряется передъ велѣніемъ высшей правды. Угасаютъ взаимныя вражда и злоба, и смертная казнь уже не является ни актомъ мести, ни актомъ устрашенія, ни актомъ самозащиты, но какимъ-то, хотя и ужаснымъ, но необходимымъ актомъ праведнаго воздаянія, предъ которымъ всѣ смиряются.

Это понималъ одинъ изъ разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ, когда сказалъ: „Мы достойное подѣламъ нашимъ воспринимаетъ, Сей же ни единого зла сотвори“. И обратившись ко Христу, прибавилъ: „Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!“ На что и услышалъ въ отвѣтъ: „Днесъ со Мною будеши въ раю!“ (Еван. Лук. 23. 40—43).

Протоіерей Сергій Четвериковъ

Духовный Руководитель Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія.

3. II. 1934.

Обитель „Нечаянная Радость“.

Дозволительно ли по ученію св. Церкви убійство.

(Сводка каноническихъ постановленій).

О. С. Четвериковъ въ своей статьѣ даетъ обстоятельный отвѣтъ на обвиненія, высказываемыя Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкой Антоніемъ. Поэтому, не касаясь уже самихъ обвиненій,

остановимся преимущественно на основномъ вопросѣ-каково безспорное и ясное ученіе св. Церкви о дозволительности или недозволительности убійства.

Послѣдній и безспорно-авто-